

УДК 821.161.1.09 : 81'42

**ОККАЗИОНАЛИЗМ КАК СИГНАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
И Т. Н. ТОЛСТОЙ)**

И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья представляет собой опыт сопоставления классического текста М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» с постмодернистским романом Т. Н. Толстой «Кысь». Анализ окказиональной лексики – концептуальной доминанты обоих текстов – позволяет высветить особенности художественных систем авторов.

Ключевые слова: *постмодернизм, интертекстуальность, окказионализм, концептуальная система писателя.*

Вышедший в 2000 году роман Т. Н. Толстой «Кысь» был очень неоднозначно оценен критикой. «Ряд критиков обвиняет Т. Толстую чуть ли не в плагиате и бесконечном заимствовании из русской и зарубежной классики, другие – в неактуальности романа-антиутопии, третьи – в неоригинальности» [1, с. 31].

Рассматривая особенности литературы постмодернизма, доказывающей невозможность новизны, мы считаем роман Т. Толстой «ярко “филологическим”, полным реминисценций и аллюзий, где клише и блоки нашего школьного литературного образования, как мозаика, рисуют гротесковое до уродства панно будущего, а, может, и нынешнего общежития» [4, с. 37]. Наиболее ярко это высвечивается при компаративном исследовании окказиональной лексики выбранного произведения и романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» – «клише нашего школьного литературного образования».

Окказиональная лексика в романах «История одного города» и «Кысь» формирует несколько лексико-семантических групп, эксплицирующих аналогии двух романов.

I. Характеристика состояния человека в обществе и окружающем его мире.

«История одного города»	«Кысь»
градона начальничество	Кысь
начальстволюбие	болезнь
многомыслие	свобода
единомыслие	кажимость
	беспокой

В приведенных группах лексемы отличаются способом образования. У М. Е. Салтыкова-Щедрина окказионализмы образованы способом сложения по продуктивной языковой модели. В романе «Кысь» это семантические окказионализмы (болезнь, свобода), фонетический (кысь), образованные по продуктивной модели от глагола (кажимость) и от существительных, обозначающих состояние (беспокой).

Окказионализм *кысь* вынесен в заглавие романа – семантически сильную позицию. Само существо, *кысь*, – это то страшное и неведомое, о чём мы не знаем и не хотим знать, о чём можно только догадываться, чувствовать, предчувствовать – но не видеть, увидеть её нельзя: «Сидит она на тёмных ветвях и кричит так жалко и жалобно: Кы-ысь! Кы-ысь! – а видеть её никто не может» [3, с. 7].

Последнее появление её в романе – в виде бессознательного желания переродившегося Бенедикта вытеснить из себя кысь, персонифицировать в образе надоевшего, дурно пахнущего теста: «Вы вообще... вы... вы...вы – кысь, вот вы кто!!! – крикнул Бенедикт, сам пугаясь: вылетит слово и не поймаешь; испугался, но крикнул: – *Кысь! Кысь!* – Я-то?.. Я?.. засмеялся тесть и вдруг разжал пальцы и отступил. – Обозначка вышла... Кысь-то – ты» (здесь и далее выделено нами – И. Г., Е. У.) [3, с. 365].

Кысь так и остаётся найденной в романе, остаётся его главным вопросом, проблемой. Но Т. Толстая даёт подсказку, задавая множество других вопросов: «А чем же ты говоришь, чем плачешь, какими словами боишься, какими кричишь во сне ... Вот же оно, слово. – не узнал? – вот же оно корячится в тебе, рвётся вон! <...> Так, верно, и Пушкин твой корячился али кукушкин... Что, что в имени тебе моём? Зачем кружится ветер в овраге? Чего, ну чего тебе надобно, старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня?..» [3, с. 10]. Составляя монолог из преобразованных цитат, Т. Толстая отсылает нас за объяснением к различным авторам русской литературы, объясняя тем самым, что существуют вечные вопросы, на которые нет чётких ответов и на которые каждый отвечает сам, опираясь на уже существующее наследие памяти и текстов. Толстая использует окказионализм *кысь*, чтобы обозначить проблему русской души, которую понять невозможно.

Остальные же абстрактные новообразования конкретизируют данную проблему, делают её весомой и осязаемой: «...*Болезнь* – в головах, болезнь – невежество людское, дурь, своеволие, темнота...» [3, с. 332].

Используя уже известный языковой комплекс, Т. Толстая наполняет его каким-то своим неясным содержанием, о котором мы можем только догадываться. Для жителей города *Болезнь*, как и *Кысь*, это нечто страшное, малопонятное, то, чего нужно бояться и остерегаться. Это вечная проблема невежества русского народа, его глупости, покорности.

Семантически с ним связан и другой окказионализм: «*Свобода*... вроде собраний? <...> Значит, чтоб когда соберутся, чтоб свободно было. А то набьётся дюжина в одну горницу, накурят, а потом голова болит, и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться» [3, с. 356]. Данный семантический окказионализм – пример создания «несообразной» коннотации: вместо разрешения – запрет, что переводит высказывание в ироничный план.

Подобный прием характерен и для прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Чаще всего авторские новообразования выступают как средство создания характерного для сатирической литературы эффекта «обманутого ожидания», когда развитие речи идёт вразрез с тем его продолжением, которое прогнозируется читателем: «Едва простыл след рассыльного, увезшего самозванца, едва узнали глуповцы, что они остались без градоначальника, как, движимые силою начальстволюбия, немедленно впали в анархию» [2, с. 262].

В словарях значения слов с основой на *-любие* описываются как любовь к чему-то. Любовь предполагает лучшее проявление человеческих качеств. Но анализируемое слово в контексте «Истории одного города» приобретает значение, противоположное тому, которое имеет лексикографическую фиксацию – негативный тип поведения: так же, как *градоначальничествование*, *начальстволюбие* приводит, например, к анархии и т.д. В окказиональной лексике Щедрина проявляется негативное, даже негодующее отношение автора к существующей действительности.

Т. Толстая же в своём романе лишь намекает на существующие в современном обществе проблемы. Используя отглагольные окказиональные существительные *кажимость*, *беспокой*, которые характеризуют состояние человека в созданном ею мире-тексте, считающееся нормой восприятия действительности для её героев, Т. Толстая нагнетает атмосферу призрачности реальности, тем самым недвусмысленно отсылая нас к яркому противнику «обесчеловеченного человека», противнику призрака государства – М. Е. Салтыкову-Щедрину. В «Истории одного города» он писал: «Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица... Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который ещё теперь составляет всю поэзию нашего существования, который признаёт лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном...; какие бы перемены ни произошли в общественной жизни, народ по привычке встретит именем батюшки своих новых владык, ибо ему снова понадобится владыки, всякий другой порядок он с презрением или гневом отвергнет» [2, с. 204].

Вот основные идеи романов. Ведь Т. Толстая не задаётся целью объяснить ситуацию, так как она мало в чём изменилась. Ей лишь остаётся в очередной раз указать, к кому обратиться, чтоб попытаться получить ответ на вечные вопросы.

II. Номинация человека

В данную лексико-семантическую группу входят различные наименования людей по роду занятий, по социальному статусу, а также яркие оценочные наименования жителей, характеризующие межличностные отношения.

«История одного города»	«Кысь»
архивариус-летописец	облако-прогонники
бытописатели-архивариусы	квасовар
инспектор-наблюдатель	мукомольный

философы-спиритуалисты	хвощевники
лжеиерей	грибышатники
помпадурша	мурза
атаманы-молодцы	голубчик
воры-сердцеведы	перерожденец
старички-братики	прежний
баба-халда	кохинорец
братик-сударик	

Данная лексико-семантическая группа по своим функциям сходна в обоих романах: выражение отношения к народу, к его статусу в существующем и существовавшем государстве. Придумывая названия новых должностей и социальных характеристик, и М. Е. Салтыков-Щедрин, и Т. Толстая лишь нагнетают атмосферу существующего на протяжении всей истории народного рабства, при котором обывателей (голубчиков) всегда секли и они всегда трепетали. Результат же истории – «только большая или меньшая порция убиенных» [2, с. 349].

«Исторические времена» Глупова начинаются со слов «Запорю!», им предшествуют долгие добровольные поиски и приглашение князя. История же Федор-Кузьмичска начинается со *взрыва*, после чего преобразается все вокруг, весь существовавший мир. Появляются *прежние*, которые живут вечно и еще помнят былые времена, – тот самый слой интеллигенции, пытающейся «внести свой посильный вклад в восстановление культуры», вспоминая старые названия улиц и ставя памятники поэтам. Появляются *перерожденцы*, также помнящие все то, что было разрушено, но уже приспособившиеся к образовавшейся заново действительности, живущие уродливо, цинично ища выгоду в любой ситуации. И, наконец, *голубчики*. По сути те же глуповцы – простой народ, неотъемлемо подчиненный власти (*мурзам*), ловящий *червырей* да мышей для пропитания, рассуждающий о том, что «богатые – они потому богатыми называются, что богато живут» [3, с. 175], а о причинах этого думать – *своеволие*.

И всегда они будут наказаны, так как «обыватель всегда в чем-нибудь виноват и потому всегда же надлежит на порочную его волю воздействовать» [2, с. 419]. «Воля становится пороком для обывателя», – отмечает М. Е. Салтыков-Щедрин [2, с. 418]. Человек, идущий против начальства, становится вором и разбойником: «Через месяц Митька уже был бит на площади кнутом и, по положению клейм, *отправлен в Сибирь*, в числе сущих воров и разбойников» [2, с. 308].

Также и в романе Т. Толстой *прежних* сжигают, поскольку именно они мешают установлению новой власти, сознавая ее невежество, жестокость и лицемерие по отношению к населению – голубчикам.

III. Характеристика особенности личности и поведения человека.

В данную группу входит окказиональная лексика, в значении которой преобладающим является коннотативный компонент. Таким образом, можно говорить о непосредственной связи данных лексем с авторской оценкой

действительности, доминирующей в «Истории одного города». Следует сказать о том, что эту лексико-семантическую группу можно выделить только в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина: *бесстыжество*; *благопоспешительнейший*; *благопопечительный*; *всебедствующие*; *добротщательны*; *легкодумный*; *многолюбивый*; *многомятежный* и др.

У Т. Толстой в романе вообще отсутствует данная лексико-семантическая группа. Автор лишь называет своих героев, не описывая их.

IV. Деятельность человека.

Здесь собраны лексемы, текстуальное значение которых базируется на системе оценок субъектов речи. Поскольку главной в романах является авторская оценка, то все окказионализмы имеют ярко выраженную коннотацию.

«История одного города»	«Кысь»
Нестеснение	тулумбаки
непринесение	пехтала
градона начальствование	наблякать
невосхищение	клякает
осчастливление	мякает
нивелляторство	подъелдыкивать
нестомчивость	бормоталово
закуражиться	мык
законфисковать	тык
закрестовано	нык
взбондировать	удушилочка
домаршироваться	поскакалочка и др.

В романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «элементы градона начальнического естества многочисленны» [2, с. 174]: это и градона начальническое *единона граждение*, и градона начальническое *вездепервоприсутствие*. Эти окказиональные словообразования раскрывают тему обесчеловечивания человека, глубоко волновавшую классика.

Т. Толстая в своем произведении использует звукоподражательные окказионализмы, семантика которых размыта и может быть выявлена преимущественно из контекста: «Идешь по улочке, сразу скажешь: праздник был да веселье: тот на костыликах *клякает*, у того глаз выбит али мордоворот на сторону съехамши» [3, с. 119]. Но это только подчеркивает существенное преобладание авторской оценки в тексте. Если М. Е. Салтыков-Щедрин показывает процесс обесчеловечивания человека путем совершения либо бессмысленных, либо ужасных действий, то Т. Толстая не показывает ничего. Есть только намек на совершение чего-то, но действие как таковое не присутствует. Человек обесчеловечен настолько, что не может совершать осмысленных действий, а лишь *тыкать*, *мыкать*, *ныкать*, *подъелдыкивать*.

Таким образом, в романе «Кысь» мы обнаруживаем окказионализмы, не характеризующие деятельность, а скорее указывающие на бездействие

человека. Мир не движется в каком-либо направлении, а стоит на месте, отсюда бессознательный отказ человека от какой-либо деятельности ввиду ее бесполезности.

У. Характеристика действий человека.

Эта группа выделяется только в «Истории одного города»: *вежливенько, бездоимочно, повсеминутно, ежесекундно, благопоспешно, весело-буйственное, центробежно-центростремительно-неисповедимо-завиральный.*

Отсутствие окказионализмов данной лексико-семантической группы у Т. Толстой можно объяснить тем, что в романе «Кысь» сами действия, как мы уже отмечали, бессознательны. Человек в мире Т. Толстой живет неосознанно, просто потому, что живет, совершая поступки, не понимая их сущности и целенаправленности.

Если в глуповском *перевернутом* мире каждому бы хотелось стать градоначальником, обезчелоченным человеком, то у Т. Толстой мы видим *уже не человека*, то есть существо бездействующее.

УІ. Характеристика действительности.

Здесь мы отнесли окказиональную лексику, которая, присутствуя на страницах романов, создает общий колорит обстановки в городах Глупове и Федор-Кузьмичске.

«История одного города»	«Кысь»
Неродиха	Бердыши
кофей-сахар	хватай-дерево
неизъятый (о теории)	дергун-трава
нескорый (о суде)	кусай-трава
бесскверный (о славословии)	Окаян-дерево
посумный (сбор)	ржавь
яхонтовенький (о серьгах)	огнецы
вождеднейший (о событиях)	хлебда
замечательнейший (о действиях)	сусень
отдаленнейший (о месте)	Дубельт (дерево)
превосходнейший (о пирогах)	грибыши
преимущественнейший и др.	киель и др.

Здесь нужно отметить существенное отличие состава данных лексико-семантических групп в романах. В произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина окружающая действительность характеризуется с помощью прилагательных. В выделенном признаке и заложена непосредственная авторская оценка.

У Т. Толстой окружающая реальность опредмечена. Большинство окказионализмов являются существительными и называют предметы в созданном Т. Толстой мире-тексте, где окружающая человека

действительность доведена до абсурда. Если у Щедрина мир перевернут и кишит призраками, то Т. Толстая доводит свой мир до крайней степени перевернутости, но не на основе совершаемых действий, а на основе самого непосредственного способа существования людей в доведенном до сумасшествия мире. Поэтому в романе Т. Толстой так же, как и у М. Е. Салтыкова-Щедрина, действительность перевернута и гротесковая до крайней степени. Но Т. Толстая лишь называет предметы бытописания, доводя их сущность до абсурда, тогда как М. Е. Салтыков-Щедрин в своем романе главным считал разоблачение зла и лжи.

Т. Толстая, в свою очередь, именуя действительность, просто создает ее, не пытаясь разоблачать и убеждать в чем-либо. Ее задача явно отличается от задачи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Создавая постмодернистский мир-текст, она, наполняя его множеством окказионализмов, лишь отсылает нас к уже написанному, классическому, роману с ярко выраженной авторской концепцией – отношению к реальному миру. Поэтому Т. Толстой не нужны определения реалий и предметов. Стоит лишь наводнить текст романа окказиональными названиями, как невольно обращаешься к тому, что уже давно существует.

По этой же причине отсутствует у Т. Толстой в романе окказиональная лексика, которую мы могли бы отнести к лексико-семантической группе «Характеристика деятельности человека». В «Истории одного города» вся деятельность градоначальников в глуповском мире несет негативную оценку автора. М. Е. Салтыков-Щедрин, определяя действия глуповцев окказиональными прилагательными и наречиями, пытается открыть глаза на существующую неграмотность, глупость, порабощение народа, которые он сам не осознает, и чье бессознательное *начальстволюбие*, темнота, приводят к появлению глумящихся над ним градоначальников.

Таким образом, в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина окказиональные образования на идеологическом уровне организации художественного произведения представляют доминантные смыслы концептуальной системы писателя (раздвоенная реальность, призрак государства, обезчеловеченный человек), в то время как Т. Толстая использует окказиональные образования не с целью подробной и существенной характеристики бытия, а с целью создания символа, отсылающего читателя через время к мощному, уже существующему пласту классической русской литературы, доминирующей чертой которой было разоблачение пороков общества.

Т. Толстая использует в своем тексте значительный пласт окказиональной лексики не столько с целью создания «эффекта реальности» – избранного ею типа правдоподобия, сколько с целью игры с данной иллюзией, созданной самим автором и обыгранной с читателем, самим текстом и классическим романом «История одного города», путем разрушения механизмов функционирования, построения и смыслонасыщения окказионального слова и слова вообще. Т. Толстая играет с самим понятием иллюзии, которое, являясь по своей природе достаточно прозрачным и аморфным, в ее тексте становится ничем, пустым местом, отсутствием всего, а именно смысла.

Список литературы

1. Пронина, А. В. Наследство цивилизации. О романе Т. Толстой «Кысь» [Текст] / А. В. Пронина // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С. 31–36.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20-и тт. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1969. – Т. 8 : Помпадур и помпадурши. История одного города. – 618 с.
3. Толстая, Т. Н. Кысь [Текст] / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2002. – 320 с.
4. Шафранская, Э. Ф. Роман Т. Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика. Мифологическая концепция романа [Текст] / Э. Ф. Шафранская // Русская словесность. – 2002. – № 1. – С. 36–40.

OCCASIONALISM AS A SIGNAL OF INTERTEXTUALITY (BASED ON THE M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S AND T.N. TOLSTAYA'S NOVELS)

I.V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
The department of russian language

The article is a comparison of the experience of the classic text of M.E. Saltykov-Shchedrin's "Story of a City" with T. Tolstaya's post-modern novel "Kys". Analysis occasional vocabulary - both conceptual dominant texts - serves to highlight the particular art systems authors.

Key words: *postmodernism, intertextuality, occasionalism, the conceptual system of the writer.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: igladilina@yandex.ru

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru